

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902 (571.150)
ББК 63.48

Керамический комплекс раннего железного века городища Аллак 1*

А.А. Казаков¹, Н.Ф. Степанова^{2,3}

¹Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

²Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия),

³Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Ceramic Complex of the Early Iron Age Settlement of Allak 1

A.A. Kazakov¹, N.F. Stepanova^{2,3}

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Barnaul, Russia)

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia),

³Altai State University (Barnaul, Russia)

В работе на основании изучения керамического комплекса раннего железного века городища Аллак 1, включающего оформление венчиков, орнамент, технико-технологический анализ, осуществлено его разделение на две группы. Одна из них соотносится с каменной археологической культурой, вторая – с группой керамики второго этапа новосибирского варианта кулайской археологической культуры. Для второй группы керамики характерны сосуды с плоскими, срезанными внутрь венчиками, имеющими небольшие утолщения как с внешней, так и с внутренней стороны, орнаментированные не встречаемыми на керамике каменной культуры элементами орнамента (отпечаток уголка лопаточки и др.), составляющими орнаментальные композиции из нескольких орнаментальных строк, которых также нет на каменной керамике. Различаются группы и по исходному сырью. Находки керамики второй группы свидетельствуют о проникновении на территорию лесостепного Алтая кулайского населения. Полученные данные позволили дополнить представления о первоначальном заселении лесостепного Алтая кулайскими племенами. Наряду с миграционной волной населения саровского этапа

The article deals with ceramic complex of the Early Iron Age settlement Allak 1. The authors have studied the design of corollas, ornaments, conducted technical and technological analysis and divided the complex into 2 groups. One of them relates to the Kamenskaya archaeological culture, the second to the group of ceramics of the second stage of the Novosibirsk version of the Kulaiskaya archaeological culture. The second group of ceramics is characterized by vessels with flat corollas cut inside, having small thickenings both on the outside and on the inside, decorated with elements of ornament not found on the ceramics of the Kamenskaya culture (the imprint of the corner of the spatula, etc.), making up ornamental compositions of several ornamental lines, which also have not been found on the Kamenskaya ceramics. Groups also differ by the source raw material. Finds of ceramics from the second group indicate the penetration of the Kulaiskaya culture population into the territory of the forest-steppe Altai. The obtained data supplemented the ideas about the initial settlement of the forest-steppe Altai by the Kulaiskaya culture tribes. Along with the migration wave of the population of the Sarovskii stage of the Kulaiskaya culture from the territory of the Tomsk Ob region, one can talk about

* Исследование выполнено в рамках госзадания: тема № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

кулайской культуры с территории Томского Приобья можно говорить и о достаточно интенсивных контактах с населением второго этапа кулайской культуры Новосибирского Приобья.

Ключевые слова: лесостепной Алтай, керамика, анализ, миграция, кулайская культура, каменная культура.

DOI 10.14258/izvasu(2020)5-17

Проблема взаимодействия представителей кулайской культурно-исторической общности с другими археологическими культурами интересует исследователей достаточно давно и является одной из основных в археологии раннего железного века Западной Сибири [1–6]. Это связано с громадным влиянием кулайцев на формирование различных культур на периферии ареала их распространения, в контактных зонах с другими археологическими культурами. В Томском Приобье приход кулайцев в III в. до н.э. привел к ассимиляции местных культур раннего железного века и смене культурного облика обширного региона [4, с. 91; 7, с. 93], в Новосибирском Приобье подобное взаимовлияние привело к формированию Новосибирского варианта кулайской культуры [5, с. 21, 45]. Наиболее ранние контакты с кулайцами местного населения эпохи раннего железного века лесостепного и предгорного Алтая, представленного населением каменной, староалейской и быстрианской культур, исследователями до настоящего времени до конца не установлены и существуют лишь в виде первоначальных, иногда взаимоисключающих гипотез, существующих как бы независимо друг от друга и постоянно вызывающих дискуссии различных ученых [8–11].

Еще одним актуальным вопросом для археологии Алтая, вытекающим из охарактеризованной проблемы, является определение хронологических рамок проникновения кулайских традиций и кулайского населения на территорию лесостепного Алтая. Эта проблема решается по-разному, однако сейчас наиболее распространенной является точка зрения, высказанная М.П. Грязновым [3, с. 99] и поддержанная последующими исследователями, с незначительными дополнениями и уточнениями, касающимися как хронологических, так и этнокультурных моментов.

Суть этой теории сводится к тому, что заселение лесостепного Алтая произошло во II в. н.э. и связано с третьей волной миграции кулайского населения на север, представленной племенами фоминского этапа кулайской культуры. Причем эта миграция была осуществлена с территории Томского (Среднего) Приобья [5, с. 44; 6, с. 161–162]. Мигранты прошли Новосибирское Приобье, вошли в лесостепной Алтай, где и осели, оставив па-

quite intensive contacts with the population of the second stage of the Kulaiskaya culture of the Novosibirsk Ob region.

Key words: forest-steppe Altai, ceramics, analysis, migration, the Kulaiskaya culture, the Kamenskaya culture.

мятники, соотносимые с фоминским этапом кулайской культуры. Намечены и основные пути миграции кулайцев на территорию лесостепного Алтая, которые проходили по левобережью Оби [12, с. 186].

В настоящее время появляются несколько иные точки зрения на эту проблему, касающиеся как времени проникновения кулайских племен на территорию лесостепного Алтая, так и несколько иного культурного компонента. Работы алтайских археологов [8; 10; 13–15] позволили В.В. Горбунову уточнить время проникновения кулайского населения на территорию лесостепного Алтая и связать его не с фоминским, а с саровским населением. Нижняя граница выделенного им троицкого этапа определена I в. до н.э., а его начало вслед за Л.А. Чиндиной [6, с. 161–162] он связывает с миграцией саровских племен конца II–I вв. до н.э. [16, с. 120; 17]. К этому периоду он относит следующие памятники: Бочанцево-1, Раздумье-1а, Троицк-1, Усть-Чумыш-1, Усть-Чумышская Пристань-1, Чудацкая Гора, могильник Кармацкий, Новообинцевский клад.

Накопленный материал позволяет в настоящее время еще незначительно снизить хронологические рамки проникновения кулайских традиций на территорию лесостепного Алтая и связать это взаимодействие с представителями второго этапа развития Новосибирского варианта кулайской культуры.

Материалы и методы. Одним из таких памятников, на материалах которого можно наблюдать опосредованные результаты подобного взаимодействия, является городище Аллак I. Памятник находится в 1 км к югу от с. Аллак Каменского района Алтайского края. Расположено в 800 м к югу от кладбища этого села, на высоком узком и длинном мысу-стрелке левого берега р. Аллак и правого берега Оби. Правый склон мыса облесенный, левый – обрывистый. Под обрывом начинается пойма Оби. Длина мыса около 500 м, ширина от 10 до 200 м, высота от 10 до 20 м. По памятнику проходит грунтовая дорога. На мысу сооружен триангуляционный знак [18, с. 37].

Памятник открыт М.Н. Комаровой в 1953 г. во время работ по обследованию зоны затопления Новосибирского водохранилища при строительстве Новосибирской ГЭС [19, с. 28]. В последующем это городище было обследовано в 1968 г. А.П. Уманским [20, с. 54]. В 1984 г. на этом городище

А.Б. Шамшиным были проведены небольшие разведочные работы, во время которых, кроме сборов, им были проведены зачистки разрушений и заложены небольшие шурфы [10, с. 52; 18, с. 37].

Датировка линий ров – вал, послуживших основанием для выделения памятника в тип городищ, до настоящего времени не ясна. Наибольшее количество материалов с памятника дали работы А.Б. Шамшина, которым кроме сборов были проведены и небольшие исследовательские работы. Памятник многослойный. Типологически выделяются комплексы поздней бронзы (ирменская культура), раннего железного века (каменная культура), русской деревни и отражающие, на наш взгляд, влияние кулайских традиций на местное население каменной археологической культуры, керамический комплекс которой на городище является наиболее представительным.

Коллекция с памятника этого периода, полученная в результате работ А.Б. Шамшина, не опубликована, хранится в музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (ОФ № 272).

Комплекс эпохи раннего железного века – это достаточно представительная коллекция сильно фрагментированной керамики, большинство фрагментов которой не орнаментированы. Типологически выделяется два комплекса, один из которых представлен типичной керамикой каменной археологической культуры и интересующего нас времени, также относящегося к эпохе раннего железного века, к его финальному этапу.

Описание керамического комплекса каменной археологической культуры неоднократно встречается в литературе [14; 21; 22]. На памятнике Аллак 1 он представлен фрагментами сосудов с прямыми непрофилированными венчиками, с округлым или приостренным срезом. Изредка встречаются и сосуды с прямым горизонтальным срезом. Орнаментация сосудов этого комплекса обеднена и представлена преимущественно одной, реже двумя горизонтальными линиями узора, выполненного из различных сочетаний жемчужника, ямок и крупнозубого гребенчатого штампа с небольшим количеством зубцов. С целью обоснования дальнейших выводов стоит отдельно указать, что на керамических комплексах поселений каменной культуры не встречено отпечатков уголка лопаточки.

Второй комплекс керамики представлен прямыми, изредка слабопрофилированными венчиками. Срезы венчиков плоские, внутрь сосуда, с небольшими утолщениями как с внешней, так и с внутренней стороны. Встречены и округлые венчики. В большинстве случаев срезы венчиков орнаментированы. Из элементов орнамента встречены ямки, гребенчатый штамп, как короткий, с небольшим количеством

зубцов, так и длинный, с мелкими зубцами, отпечатки уголка лопаточки, конца круглой палочки с ровным перпендикулярным срезом, напоминающие отпечаток уголка плоского штампа и отпечатки конца непонятого орнамента с неровным торцевым окончанием. В одной орнаментальной композиции могут сочетаться до трех орнаментальных элементов, которые располагаются несколькими строками. Несколько орнаментальных строк могут быть нанесены и отпечатком уголка лопаточки.

Аналогии этому комплексу мы находим в памятниках, относимых Т.Н. Троицкой ко второму этапу Новосибирского варианта кулайской культуры. Это Дубровинский Борок 3 [5, с. 109, табл. XXXIII – 12], Ордынское 9 [5, с. 109, табл. XXXIV – 1, 9], Усть-Ирмень [5, с. 111, табл. XXXV – 2, 3, 4], Ирмень 1 [5, с. 112, табл. XXXVI – 6]. Кроме орнаментации аналогии комплексу Аллак 1 на этих памятниках прослеживаются в оформлении срезов венчиков (венчики плоские, внутрь сосуда, с небольшими утолщениями как с внешней, так и с внутренней стороны). Подобные венчики не встречаются на комплексах типично каменной керамики.

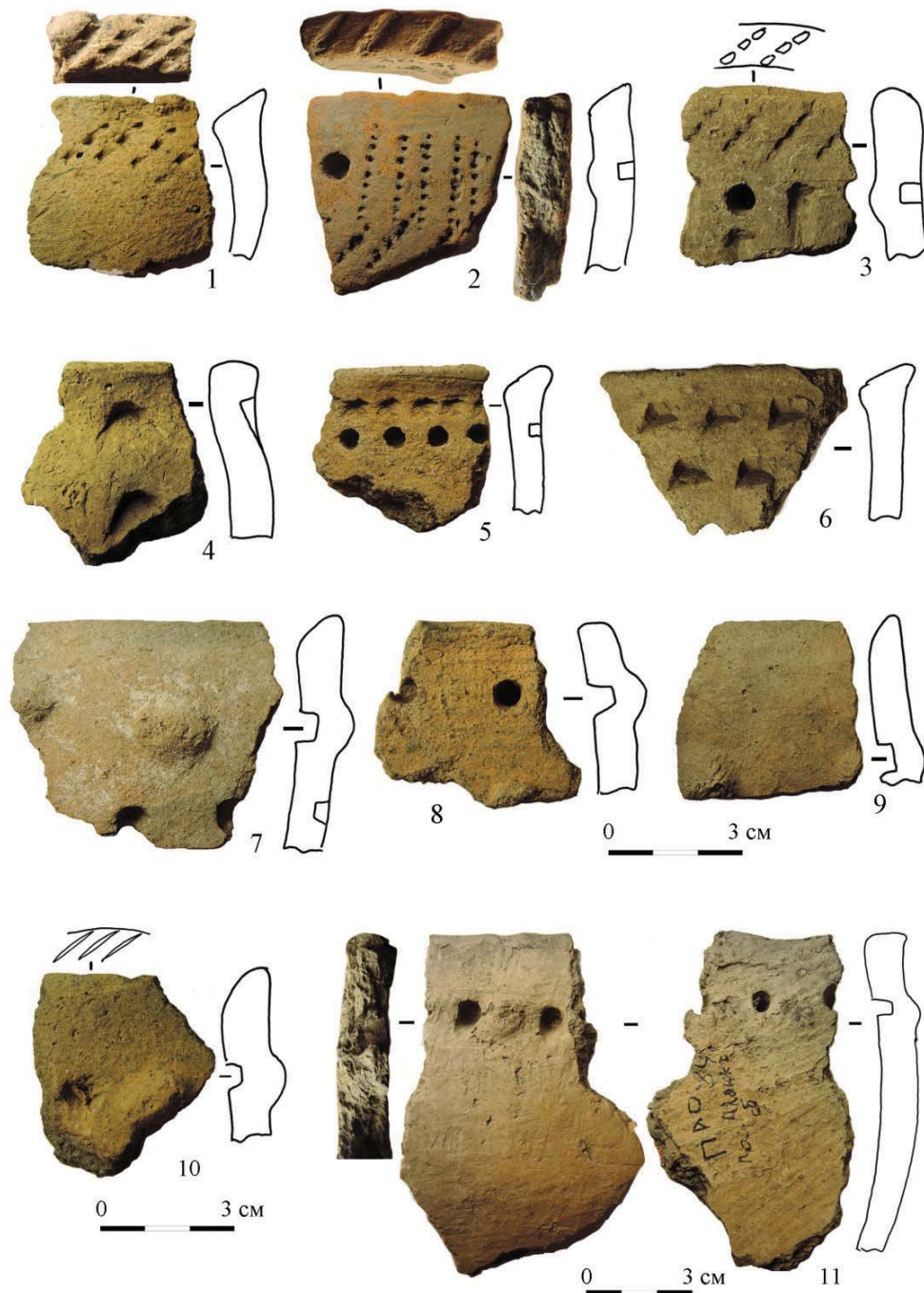
Комплексы второго этапа новосибирского варианта кулайской культуры Т.Н. Троицкая датировала I в. до н.э. – I в. н.э. [5, с. 49, 52, табл. 25]. Наиболее значимым процессом, произошедшим на этом этапе, она считала «...слияние в единую культурную основу ранее механически соединенных черт большебереченской и кулайской культуры» [5, с. 49]. Учитывая, что ареал распространения комплексов второго этапа распространялся и на южную часть Новосибирского Приобья [5, с. 49], нахождение подобных комплексов на пограничной с этим регионом территории Каменского района Алтайского края является вполне логичным.

С целью получения дополнительной информации был проведен технико-технологический анализ керамики с городища Аллак 1. Исследовано 11 образцов, из них 5 относятся к каменной археологической культуре (рис. – 7–11) и 6 к интересующему нас комплексу (рис. – 1–6). Исследования проведены в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским [23; 24]. С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 изучались изломы и поверхности образцов. Основная задача сводилась к выявлению специфики культурных традиций в отборе исходного сырья и подготовке формовочных масс. Рассматривались вопросы выделения культурных традиций, выявления местных и неместных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс; признаки смешения традиций. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глины, характер содержащихся в них примесей. Для определения степени ожелезненности

сти глин их дополнительно нагревали в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С.

В результате исследований установлено, что все сосуды изготовлены из железненного сырья, которое

различается по степени ожелезненности: слабоожелезненное (64%), средне- и сильноожелезненное (соответственно по 27 и 9%). Необходимо отметить, что слабоожелезненные глины также различаются по цвету.

Керамика раннего железного века городища Аллак 1
(1-6 – керамика кулайской культуры, 7-11 – керамика каменской культуры.
Фрагмент 8 сфотографирован с внутренней стороны

Исходное сырье

Большинство глин низкопластичные (64%), меньшинство – пластичные и среднепластичные (по 18%). Из естественных примесей встречается кварцевый песок (частицы белые и прозрачные, изредка красные). Песок различается по размерности и концентрации частиц разного размера. Большинство составляют фракции размером 0,1–0,2 мм, их концентрация 1 : 2–3. Частицы диаметром 0,5–1,0 мм и крупнее встречаются реже, их концентрация в отдельных случаях достигает 1 : 4–5. Такая естественная примесь, как бурый железняк, зафиксирована в 55% образцов. Обычно это мелкие частицы диаметром около 0,5 мм. В целом во всех фрагментах бурого железняка очень мало: одна частица на несколько квадратных сантиметров. В двух образцах зафиксированы остатки и отпечатки чешуи рыбы.

Вероятнее всего, все сосуды были изготовлены из исходного сырья, взятого из разных залежей. Тем не менее для большинства глин характерно сочетание двух признаков – слабая ожелезненность и низкая пластичность (55%) (рис. – 3, 5–9). Особое место занимают три сосуда. Один из них (рис. – 2) выделяется как по ожелезненности сырья (сильноожелезненное), так и концентрации песка (1 : 1), основную часть составляют очень мелкие частицы размером около 0,1 мм. Два других сосуда изготовлены из пластичного сырья, также из необычного для этой коллекции (рис. – 4, 11).

Формовочные массы

Анализ состава формовочных масс показал, что основная традиция в использовании минеральных примесей – это добавление шамота, который зафиксирован во всех 11 сосудах. Однако наблюдается заметная разница в концентрации шамота, что позволяет разделить сосуды на группы с учетом этого признака.

Для первой группы сосудов (55% всех образцов) характерен состав: глина + шамот + органика. Концентрация шамота до 1 : 4–5. В 67% образцов этой группы зафиксирована искусственно введенная органика, в 33% характер органики не ясен (искусственная или естественная). Вторую группу составляют сосуды с рецептом: глина ожелезненная + глина неожелезненная + шамот + органика, с концентрацией шамота 1 : 4 (9%). К третьей группе относится сосуд с рецептом: глина ожелезненная + глина неожелезненная + шамот + дресва + органика (9%). Концентрация шамота менее 1 : 6. Четвертую группу составляют сосуды (глина + шамот + органика) с концентрацией шамота менее 1:6 (27%). В двух изделиях органика введена искусственно, в одном характер органики не ясен. Искусственно введенная органика представлена растворами.

Отметим, что в ряде случаев, несмотря на то, что сырье низкопластичное, шамот добавлен в одних случаях в концентрации 1 : 4 (рис. – 2, 3, 8), в дру-

гих 1 : 6–7 (рис. – 7, 9, 10). Шамот обычно отличается по ожелезненности от исходного сырья сосуда, а в одном сосуде и по пластичности, в частности, шамот из низкопластичной глины. Размер частиц шамота в основном около 2 мм, но в отдельных случаях до 4 и 6 мм.

Полученные результаты и их обсуждение.

Суммируя данные, отметим, что все сосуды изготовлены из разных замесов. Отмечается большое разнообразие исходного сырья, с преобладанием традиции использовать слабоожелезненные и низкопластичные глины с добавлением в них шамота. Один рецепт фиксирует смешение навыков в использовании минеральных примесей г + г + д + ш + о (рис. – 5), что связано со смешением населения, культурные традиции в изготовлении керамики которых сложились в разных ландшафтных зонах [25]. Отмеченное смешение двух глин, вероятнее всего, связано с приспособлением пришлых гончаров к новым глинам (новое население на памятнике). Низкая концентрация шамота может быть связана с тем, что шамот мог быть добавлен с целью сохранения традиции.

Для характеристики коллекции городища Аллак 1 имеют значение результаты изучения керамики (49 образцов от разных сосудов), относящейся к более раннему времени – переходному от бронзового века к железному [26]. Было установлено, что в тот период население предпочитало среднежелезненное пластичное сырье. Как исключение встречаются сосуды из слабожелезненных глин, но также распространено низко- и среднепластичное сырье. Основная традиция – добавлять шамот, однако выявлен большой процент изделий, фиксирующих смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей (дресва + шамот). Очевидно, что коллекция раннего железного века с городища Аллак 1 имеет отличия, прежде всего, связанные с выбором исходного сырья (слабоожелезненные глины), которые на Алтае используются реже, чем среднежелезненные [27], а также в меньшей степени фиксируется смешение культурных традиций в выборе минеральных примесей.

Данные технико-технологического анализа не исключают правомерность разделения комплексов раннего железного века с городища Аллак 1. Вероятнее всего, керамика, соотносимая со вторым этапом новосибирского варианта кулайской культуры, оставлена пришлым населением. Можно предположить, что мигранты представляли либо небольшую группу, либо осуществлялись незначительные контакты на уровне брачно-семейных отношений, так как по результатам технико-технологического анализа наблюдается смешение традиций пришлого и местного населения. Особо выделим три сосуда (рис. – 3, 5, 6), которые относятся к комплексу второго этапа новосибирского варианта кулайской куль-

туры. Их объединяет оформление срезов венчиков, особенности орнамента, а также то, что они изготовлены из слабожелезистых глин. Отметим, что исследования кулайской керамики из Томского Приобья показали широкое использование слабожелезистых глин [28, с. 610]. Возможно, применение слабожелезистых глин в обоих случаях не является случайным совпадением.

Заключение. Таким образом, на основе анализа оформления срезов венчиков, орнамента, данных технико-технологического анализа можно предпо-

ложить проникновение кулайских традиций, носителями которых являются представители второго этапа новосибирского варианта кулайской культуры, на территорию лесостепного Алтая уже в I в. до н.э., что подтверждает высказанную ранее гипотезу В.В. Горбунова. Следует отметить, что освоение кулайцами территории лесостепного Алтая происходило несколькими миграционными потоками, один из которых был представлен саровским населением Томского Приобья, а второй – представителями Новосибирского варианта кулайской культуры.

Библиографический список

1. Мошинская В.Н. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья М., 1953. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА) № 35.
2. Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // В.Н. Чернецов, В.И. Мошинская, И.А. Талицкая. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. МИА № 35.
3. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. МИА № 48.
4. Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце 8–3 вв. до н.э. Томск, 1977.
5. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.
6. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.
7. Рыбаков Д.Ю. Керамический комплекс поселения Рюзаково (Духовое) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). Томск, 2011. № 11 (113).
8. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.
9. Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. № 2.
10. Шамшин А.Б., Сингаевский А.Т. Этнокультурная ситуация на территории Барнаульского Приобья в конце 3 в. до н.э. – 1 в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск, 2007.
11. Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Известия Алтайского гос. ун-та. Исторические науки и археология. 2016. № 4 (92).
12. Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Троицк-1 — новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 2.
13. Иванов Г.Е. Поселение Бочанцево 1 — памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991.
14. Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамнатовского района (к 200 летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000.
15. Григоров Е.В. К вопросу о нижней хронологической границе памятников фоминского типа в Верхнем Приобье (по материалам поселений) // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
16. Горбунов В.В. Памятники кулайской культуры на юге Западной Сибири: вопросы датировки и периодизации // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск, 2015.
17. Горбунов В.В. Культурно-исторические процессы на территории лесостепного Алтая в 1 тыс. н.э. Барнаул, 2017.
18. Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., Шамшин А.Б., Уманский А.П. Памятники археологии Обского правобережья // Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. Барнаул, 1990.
19. Комарова М.Н. Отчет Каменского отряда Новосибирской экспедиции об археологическом обследовании в 1953 г. зоны затопления Каменской ГЭС // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1955–1959 гг. М., 2010.
20. Уманский А.П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ-«кокуев» // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1972.
21. Иванов Г.Е. Керамика второй половины 1 тыс. до н.э. с поселений степного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990.
22. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. Барнаул, 1997.
23. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
24. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: колл. монография. Самара, 1999.

25. Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. № 4 (13).

26. Папин Д.В., Степанова Н.Ф. Технология гончарного производства в переходное время от бронзового века к железному в Алтайском Приобье // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015.

27. Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск, 2017.

28. Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского и Нарымского Приобья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV. Новосибирск, 2019.